

САЛАВАТ АСФАТУЛЛИН

ВТОРЖЕНИЕ

Башкирские полки в Отечественной войне 1812 года

Советник Наполеона Арман де Коленкур, хорошо узнавший русских за годы службы посланником Франции в России в 1807–1811 гг., предостерегал Наполеона от нападения на Россию не раз. Последний – за день до перехода армии императора Наполеона через Неман, пересказав заявление Александра I: “Я воздаю должное великим военным талантам императора и буду избегать до пределов возможного меряться силами с ним в открытом бою; если русские будут разбиты, то они возьмут пример с испанцев, которые часто бывали разбиты, но не были, однако, ни побеждены, ни покорены; недостаток выдержки погубил другие государства; я не буду стрелять первым, но я скорее отступлю до Камчатки, чем уступлю свои губернии или буду приносить жертвы, которые не приведут ни к чему, кроме передышки”. Однако Наполеон сделал самую роковую ошибку своей жизни: он напал на Россию.

Участник той войны, ставший знаменитым военным летописцем Александр Иванович Михайловский-Данилевский пишет: “...для нашествия на Россию он сформировал Великую армию в составе одного гвардейского, 12 пехотных и 4 резервных кавалерийских корпусов, общей силою в 610 000 строевых чинов, а с нестроевыми доходившую до 700 000 человек, при 187 111 лошадях и 1372 орудиях. В разноплеменный состав армии не вошли из народов Европы только шведы, датчане и турки”.

Французская армия превосходила тогда любую из армий того времени. То была массовая армия буржуазного типа. Она не знала ни кастовых барьеров между солдатами и офицерами, ни бессмысленной муштры, ни палочной дисциплины. И была сильна сознанием равенства прав и возможностей простому солдату стать когда-нибудь генералом, а то и маршалом.

Михайловский-Данилевский пишет: “Против столь значительных сил Наполеона Россия могла выставить лишь 218 000 человек при 942 орудиях, составлявших 17 корпусов, которые были разделены на три армии: 1-я Западная Барклая-де-Толли – 127 000, 2-я Западная Багратиона – 48 000, 3-я Резервная обсервационная Тормасова – 43 000 человек. В запасных и рекрутских батальонах и эскадронах – 100 000; во вновь формируемых 12 полках – 23 800, в четырёх Украинских – 3600 чел. Итого: 345 400 чел”.

Кроме трёх армий на первой линии отпора французам стоял под Ригой отдельный корпус генерал-лейтенанта И. Н. Эссена (38 077 человек), а вторую линию составляли два резервных корпуса: 1-й – генерал-адъютанта

Е. И. Меллера-Закомельского (27 473 человека) — у Торопца, 2-й — генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля (37 539 человек) — у Мозыря.

Фланги западной группировки русских войск прикрывали: с севера — корпус генерал-губернатора Финляндии, генерал-лейтенанта барона Ф. Ф. Штейнгейля (19 тыс. человек), располагавшийся на границе с Финляндией, а с юга — Дунайская армия адмирала П. В. Чичагова (57 526 человек), дислоцированная в Валахии. Эти войска в начале войны бездействовали. Штейнгейль перебросил свой корпус в Ригу и Ревель только к 8 сентября по новому стилю.

Русские войска были рассредоточены на больших пространствах. Едва успела освободиться от войны с Турцией Дунайская армия, продолжалась война с Ираном. Целые корпуса стояли в Грузии и на Кавказской линии, несколько дивизий несли гарнизонную службу в Одессе и Крыму, в Зауралье и Сибири. Отдельный корпус внутренней стражи был распределен полубатальонами по всем губерниям для борьбы с крестьянскими волнениями. Поэтому русские численно и уступали французам в зоне вторжения почти в полтора раза^{*}.

К 1808 году русская армия была вооружена разнообразнейшими ружьями всех времён, начиная с петровских, и всех народов и стран. Эти ружья имели почти 30 различных калибров. А. А. Аракчеев, назначенный в 1808 г. военным министром, начал в 1809 году перевооружение армии оружием единого калибра. Новый военный министр Барклай-де-Толли продолжил это начинание, но закончить его не успел. Хуже того, и староредовских разнокалиберных ружей в 1812 г. не хватало. «Россия вынуждена была закупить ружья в Англии (50 тыс. штук) и в Австрии, причем 7 тыс. австрийских ружей, собранных в Киевском арсенале, оказались совершенно негодными. Если даже регулярные войска терпели недостаток в ружьях, то ополчение — тем более: на 230 тыс. ополченцев было отпущено в 1812 г. только 37 349 ружей.

Русская артиллерия почти не уступала французской ни количественно (1102 орудия на западной границе против 1372 у Наполеона), ни качественно, но это было достигнуто крайним напряжением сил и средств.

Необходимо отметить, что не только армия Наполеона отличалась многонациональностью своего состава. К началу Отечественной войны на западной границе находились 1-й и 2-й Башкирские полки, а также 1-й Тептярский, 1-й и 2-й Уральские казачьи полки, 1-й и 2-й Оренбургские казачьи полки. После вторжения наполеоновской армии манифест царя Александра I и предписание генерал-губернатора с призывом об обороне Отечества оглашали во всех мечетях и на деревенских сходках в башкирских селениях. Многие джигиты рвались на войну, стыдно было мужчине-башкиру не служить, а побывавшему на войне, да ещё вернувшемуся с медалью, был почет по всей округе. С годовалого возраста мальчишек начинали воспитывать джигитами, причём не только отец с матерью, но и вся улица, весь аул.

В первые же недели войны по инициативе башкир (молва о начавшейся войне дошла быстрее, чем официальные распоряжения) были сформированы 3-й, 4-й, 5-й Башкирские полки из добровольцев. И 25 июля* 1812 года, в первый же день доставки манифеста Александра I в Оренбург, эти полки, под общим командованием капитана Верхнеуральского гарнизонного батальона И. Г. Тихановского выступили в поход. В формулярном списке командира 5-го Башкирского полка И. Г. Тихановского есть дата начала его личного участия в боевых действиях: 1 ноября 1812 года.

В борьбе за независимость страны вместе с русским народом активное участие приняли, кроме башкир, калмыки и крымские татары. «Не только стародавние сыны России, — писал поэт Сергей Глинка, — но и народы, отличные языком, нравами, верою и образом жизни, народы кочующие — и те наравне с природными россиянами готовы были умереть за землю русскую. Башкирцы оренбургские сами собою вызывались и спрашивали у правительства: не нужны ли их полки?» Глинка называет башкир оренбургскими потому, что Башкирия в то время входила в состав Оренбургской губернии.

Полковник Углицкий, будучи Оренбургским войсковым атаманом, подал в начале войны управляющему военным министерством Российской империи в Санкт-Петербурге рапорт с предложением быстро организовать от 10 до 30 башкиро-мишарских казачьих полков для войны с Наполеоном. Предложе-

* Даты в статье даны по старому стилю, в отдельных случаях в скобках, после основной даты, указаны по новому стилю.

ние было поддержано на всех уровнях, и уже **8 августа 1812 года, в день своего назначения на пост главнокомандующего, М. И. Кутузов получил указ о сформировании башкирских казачьих полков.**

Башкиры откликнулись на указ чрезвычайно энергично. 15 номерных башкирских полков, с 6-го по 20-й, выступили, по мере формирования, на войну.

Ранее прибывший на западную границу 1-й Башкирский полк вошёл в состав казачьего корпуса войскового атамана Матвея Ивановича Платова (14 полков, 12 орудий), находящегося в городе Гродно. Он нес кордонную службу на дистанции. 9 июня отправлен по распоряжению Баркляя-де-Толли к Гродно. В марте 1812 года на западной границе находился и 2-й Башкирский полк, который был расположен в белорусском селе Олеске и входил в 1-ю бригаду полковника Иловайского.

1-й Тептярский полк майора Темирова прибыл на западную границу в марте 1812 года и вошёл в состав авангарда 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Тучкова 1-го. Вскоре он был выделен на аванпостную службу на берегу Немана в районе Олиты.

В апреле 1812 года в 24-ю дивизию вошел и Уфимский пехотный полк. В нём было 3 штаб-офицера, 30 обер-офицеров, 73 унтер-офицера и 1104 рядовых.

Башкирские полки и полк майора Темирова оказались на боевом участке пограничной линии, где уже в мае 1812 года начались стычки с разъездами Наполеона.

В связи с создавшейся тревожной обстановкой на западной границе уточнялась и укреплялась авангардная служба по кордонам пограничной линии. 4 июня 1812 года начальник главного штаба 1-й Западной армии генерал Лавров дал следующее предписание командиру 3-го Пехотного корпуса генералу Тучкову: “Как авангард вверенного вам корпуса состоит из 1-го полка казачьего, который предписал генералу Платову туда отрядить, 1-го полка Тептярского, лейб-казачьего и Черноморской сотни, 2 егерских полков и дистанцию передовых постов занять от Румнишек до Олиты, то аванпосты учредите в нижеследующем порядке: 1-я линия должна быть занята казаками на кордоне, линия в одном марше от кордона из небольших отрядов легкой кавалерии и егерей, имеющих передовые посты, которые патрулями своими должны поддерживать сообщение с казаками”.

Полк Темирова оказался в том районе, где началась переправа передовых частей наполеоновской армии через Неман. В начале июня за Неманом стали показываться крупные силы неприятеля. 11 июня (ст. ст.) 1812 года вечером пехотный корпус французского маршала Даву начал переправу через Неман у деревни Понемунь. Это был участок, где кордонную службу несла 5-я сотня Тептярского полка. Французы показались и на других участках.

12 июня майор Темиров доносил бригадному командиру генералу Орлову-Денисову: “Получил я сейчас рапорт есаула Юсупова, что вчерашнего числа на противной стороне реки через местечко Балберишки вниз по реке к Ковно проходило несколько сильных отрядов. Равно и сотник рапортует, что через Матишанцы прошло конницы полков пять, и против кордона Прены прошла пехота. Сии войска потянулись вниз к Ковно. А для разбора обстоятельнейшего я отправился, и что мною усмотрено будет, поспешу донести о том вашему сиятельству”.

Сообщение майора Темирова подтвердилось полностью. В ночь с 11 на 12 июня по трём мостам у Понемуня через Неман хлынули в Россию полчища Наполеона.

Считая возможной и наступательную, и оборонительную войну, Баркляй-де-Толли разработал план, который был утверждён не позднее марта 1812 г., то есть ещё до отъезда Баркляя в армию. Вариант “А” этого плана (“когда война с нашей стороны откроется наступательною”) предписывал “отрезать, окружить и обезоружить войска неприятельские, в герцогстве Варшавском и в королевстве Прусском находящиеся”, и затем идти вперёд, навстречу главным силам Наполеона. Вариант “Б” (оборонительный) гласил: “продлить войну по возможности” и “при отступлении нашем всегда оставлять за собою опустошенный край”, вплоть до перехода в контрнаступление. Александр I, утвердив план Баркляя, не стал отменять и известный план своего военного советника Фуля, очевидно, потому, что не видел между ними принципиальной разницы: план Фуля тоже предусматривал, как следствие Дрисской операции, переход в контрнаступление. Но главным считался план Баркляя. Именно он

был разослан не позднее мая 1812 г. в войска, тогда как план Фуля царь держал при себе как бы в запасе и даже не знакомил с ним своих генералов.

Под натиском превосходящих сил противника русские войска вынуждены были отступать в глубь страны. Авангард генерала Шаховского, где находился полк майора Темирова, превратился в арьергард. Тептярский полк, находясь в арьергарде, принял участие и в боях 18 и 21 июня.

Главные силы 1-й Западной армии, оставив Вильно, отступили к городу Свенцяны, чтобы оттуда следовать к Дриссе.

29 июня 1812 года Барклай-де-Толли поручил командиру 2-го корпуса генералу Корфу взять под свое начальство все авангарды 1-й армии: "... для чего препровождаю при сем расписание, где именно расположены и из каких войск составлены авангарды от корпусов, да сверх того имеется при оных донской Родионова 1-го, Бугский и Тептярский полки". Причем Тептярскому и некоторым другим полкам давалось особо важное задание: продвинуться "как можно далее вперед, для узнания, где неприятель находится, и непременно стараться схватить несколько пленных".

2 (14) июля 1-я армия оставила Дриссу — и очень своевременно. Наполеон приготовился было зайти к ней под левый фланг со стороны Полоцка и заставить её сражаться с перевернутым фронтом, но не успел осуществить этот маневр. По его признанию, он не ожидал, что русская армия "не останется долее трех дней в лагере, устройство которого стоило нескольких месяцев работы и огромных издержек".

Из Полоцка царь отправился в Москву, а Барклай повел 1-ю армию к Витебску на соединение с Багратионом.

Полк майора Темирова с боями производил смелую разведку. 10 июля в окрестностях местечка Бешенковичи произошла схватка с неприятельским авангардом Мюрата. 1-й Башкирский конно-казачий полк находился в летучем корпусе Платова, расположившемся в районе Гродно. На корпус была возложена задача прикрыть отход 2-й Западной армии Багратиона. С 14 июня войска Платова обеспечивали эвакуацию в Минск припасов, оружия и больных. Уже 15 июня казаки Платова приняли бой под городом Гродно, в котором активно участвовали конники Башкирского полка. Противник вступил в Занеманский форштадт. Казаки и башкиры совместно с батальоном Гродненского внутреннего гарнизона завязали перестрелку с войсками корпуса вестфальского короля Жерома и польского корпуса Понятовского. Вечером российские войска сожгли мост через реку Неман. Особенно отличались рядовые Буранбай Чувашбаев, Узбек Акмурзин, есаул Ихсан Абубакиров, хорунжий Гильман Худайбердин и др.

Багратион оказался в критическом положении — сказалась нехватка сил. Уже 26 июня (8 июля) маршал Даву взял Минск и отрезал Багратиону путь на север. С юга наперерез Багратиону шёл Жером Бонапарт, который должен был замкнуть кольцо окружения вокруг 2-й армии у Несвижа. Корпус Даву (без двух дивизий, выделенных против Барклая) насчитывал 40 тыс. человек, у Жерома в трёх корпусах его группы было 70 тыс. Багратион же имел не более 49 тыс. человек. Ему грозила верная гибель. "Куда ни сунусь, везде неприятель, — писал он на марше 3 (15) июля А. П. Ермолову. — Что делать? Сзади неприятель, сбоку неприятель... Минск занят, и Пинск занят".

Вестфальский король Жером Бонапарт ("король Ерёма", как прозвали его русские офицеры), "наиболее бездарный из всех бездарных братьев Наполеона", в 1812 г. впервые был на войне. Молодой (27 лет), легкомысленный, празднующий, он и в походе, несмотря на то, что Наполеон требовал от него "величайшей активности", больше отдыхал, чем действовал: 4 дня "отгулял" в Гродно и далее неторопливо шёл к Несвижу такой поступью, что Э. Лависс и А. Рамбо могли только воскликнуть на страницах своей "Истории": "Он сделал 20 миль в 7 дней!"

В результате Жером, хотя он имел преимущество перед Багратионом на пути к Несвижу в два перехода, опоздал сомкнуть вокруг русской армии французские клещи. Багратион вырвался. Наполеон был в ярости. "Все плоды моих маневров и прекраснейший случай, какой только мог представиться на войне, — отчитывал он Жерома, — потеряны вследствие этого странного забвения элементарных правил войны".

Отряд И. С. Дорохова, состоявший всего из двух егерских и двух казачьих полков при 12 орудиях, был отрезан противником. Не имея возможности

прорваться к своей 1-й армии, он в течение недели шёл с боями по лесам и болотам на соединение с войсками П. И. Багратиона. И, потеряв 60 человек, 26 июня соединился со 2-й армией.

В 1-й армии все заботы Барклая были подчинены одной, главной задаче – обеспечить отступление армии в наибольшем порядке и с наименьшими потерями. И русские, и французские источники свидетельствуют, что его армия отступала образцово. Барклай “на пути своем не оставил позади не только ни одной пушки, но даже и ни одной телеги”, – вспоминал А. П. Бутенев. И “ни одного раненого”, – добавляет А. Коленкур. Он не раз возвращается к этой теме в своих мемуарах: “Лошади и скот – всё исчезло вместе с людьми, и мы находились как бы среди пустыни... Его (Наполеона) удивляло это отступление 100-тысячной армии, при котором не оставалось ни одного отставшего, ни одной повозки. На 10 лье кругом нельзя было найти какую-нибудь лошадь для проводника. Нам приходилось сажать проводников на наших лошадей; часто даже не удавалось найти человека, который служил бы проводником императору. Авангард был в таком же положении”. Тем не менее, с каждым днём организованного отступления росло недовольство против Барклая-де-Толли по всей стране. Первоисточником его был неблагоприятный для России, уязвлявший национальную гордость ход войны. В такой обстановке Барклай-де-Толли отводил 1-ю армию от Полоцка к Витебску. На защиту Петербурга Барклай выделил из своей армии целый корпус (1-й, под командованием генерал-лейтенанта гр. П. Х. Витгенштейна). Барклай учитывал, что царский двор, вся царская фамилия и сам царь были тогда в страхе за судьбу “града Петрова”. Столичные тузы “не знали, что и предпринять, куда деваться... – свидетельствовал Р. М. Цебриков (отец декабриста). – Все дворцовое казенное начали отсюда вывозить... Всяк помышлял о своем отсюда удалении”. Александр I в день своего отъезда из армии отправил председателю Государственного совета Н. И. Салтыкову паническое письмо: “Нужно вывозить из Петербурга: – Совет. – Сенат. – Синод. – Департаменты министерские. – Банки. – Монетный двор... – Арсенал... лучшие картины Эрмитажа... обе статуи Петра I... богатства Александро-Невской лавры”, даже домик Петра велел “разобрать и увезти”, а императорскую фамилию подготовить к эвакуации в Казань.

27 июня под Миром казаки устроили врагу ловушку: “... впереди Мира по дороге к Кареличам составлена в 100 человек застава, как для наблюдения за неприятелем, так и для заманки его оттоль ближе к Миру, а по сторонам направо и налево в скрытых местах сделаны засады, каждая по 100 отборных казаков, называемые вентерь. Для того, что ежели открывающие от неприятеля будут стремиться по дороге, тогда застава отступает с намерением с торпливостью и проводит неприятеля сквозь засады, которые тогда делают на него удар, и застава оборачивается ему же лицом”. На месте боя у деревни Симаково и по пути отступления поляков осталось свыше 300 убитых, в плен захватили 6 офицеров и 242 рядовых. Платов же потерял не более 25 казаков убитыми и ранеными.

В бою при местечке Мир вместе с донскими казаками против польских всадников храбро сражались и башкирские конники. За проявленную отвагу и храбрость рядовой Узбек Акмурзин был произведён в урядники.

Двигаясь через Несвиж и Тимковичи, 1 июля корпус Платова прибыл в Романово Могилёвской губернии, где получил приказ Багратиона задержать наступление неприятеля “до глубокой ночи 3-го числа”. Уже 2 июля крупные силы неприятеля появились у местечка Романово. Авангард французов, состоящий из 7 кавалерийских полков М. В. Латур-Мобура, был встречен казаками, башкирами и калмыками и после упорного боя опрокинут. Враг предпринял вторичную атаку, но, натолкнувшись на стойкую оборону казачьих полков, вынужден был отступить. “Дорога и хлебные поля усеяны были трупами”, казаки взяли в плен 260 человек, в том числе 17 офицеров. Победа казачьего корпуса Платова у местечка Романово способствовала успешному отходу 2-й армии на Бобруйск. В числе отличившихся в этом бою были и башкирские воины. Рядовой конник Буранбай Чувашбаев за отличную службу и проявленную храбрость был произведён в урядники.

В это время в 1-й Западной армии ощущалась острая нехватка лёгкой кавалерии. 5 (17) июля Платов получил высочайшее повеление идти на соединение со своей армией, что подтвердил прибывший от Барклая-де-Толли подполковник П. А. Чуйкевич. Но Багратион накануне сражения под Салтановкой попросил Платова задержаться в Ст. Быхове. Лишь 12 (24) июля его корпус по

найденному Чуйкевичем броду у монастыря Ворколабова переправился через Днепр и двинулся к Смоленску, прикрывая слева путь отступления 2-й Западной армии. От местечка Горки Оршанского уезда Могилевской губернии Платов отправил к Шклову, Копысю и Орше казачьи партии, которые совершили удачные поиски и отвлекли внимание противника от истинного маршрута 2-й армии.

15 (27) июля его корпус вновь переправился через Днепр у местечка Дуброво Оршанского уезда. Но 16 июля русские войска оставили позицию у Витебска. Лишь 18 (30) июля передовые казаки Платова вышли на войска 1-й Западной армии. Напомним, что в составе этого летучего казачьего корпуса воевал и 1-й Башкирский полк.

Башкиры использовались в армии разнообразно: разведка, сторожевое охранение, конвойная служба, участие в боях и в партизанах. Необычный вариант использования башкир, учитывающий наличие у них второй лошади, приводит в своих воспоминаниях командир 1-го егерского полка. В своих «Рассказах служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе» (1845 год) он пишет: «Присоединяясь у Столбцов к армии князя Багратиона и перейдя чрез Бобруйск к Старому Быхову на Днепр, мы маневрировали одним нашим Егерским полком с атаманом Платовым при его 20 казачьих – Донских, Уральских, Татарских, Калмыцких и Башкирских – полках, у 16 орудий Донской артиллерии его около Могилёва, Копыса, Орши, Любавичей и Рудни до Бабинович и Поречья. По этим местам мы пропасть полей и перелогов исплутали.

Спасибо ещё нашему атаманушке батюшке Матвею Ивановичу, что он в чрезвычайных движениях этих давал нашему полку два Башкирских полка возить: ранцы, шанцевые инструменты и заслабелых егерей; а без того все они, не рождённые быть конями, сгнули бы от беготни по извилистым тропам героев донских». Потом этот 1-й Егерский полк геройски воевал всю Отечественную войну 1812 года и дошёл до штурма Монмартра в Париже в марте 1814 года.

Характерно и то, что в годы войны среди башкир не наблюдалось дезертирства и членовредительства для уклонения от воинской службы. Всего в 1812 году в Башкирии было призвано 28 башкирских (в том числе 6 ремонтных), 2 мишарских и 2 тептярских полка. На Дону было сформировано 26 дополнительных полков. **В 1812 году в Башкирии был неурожай, народ голодал, но снаряжал воинов конями, обмундированием и оружием. Каждый полк имел своё знамя. Знамя 5-го Башкирского полка до сих пор хранится в Национальном музее Башкортостана.** После опубликования манифеста о созыве ополчения в полки поступило до 400 татарских князей, мурз и дворян.

Кроме того, в Оренбургском крае, куда входила Башкирия, были созданы Оренбургский драгунский, 3-й, 4-й и 5-й Оренбургские казачьи полки. Из двух последних составили атаманский тысячный полк.

Пять полков было сформировано и уральскими казаками.

Горожане Уфы выставили Уфимский пехотный полк. Всего в действующую армию Оренбургский край выставил 45 полков. Помимо этого, в 1812–1813 гг. по четырём рекрутским наборам на защиту Родины ушло свыше 10 тысяч солдат из крестьян и горожан губернии.

Население края собирало деньги на нужды войны. Уже к 15 августа 1812 года башкиры, тептяри и мишари пожертвовали в пользу армии 500 тыс. рублей.

Доктор исторических наук Усманов А. Н. со ссылкой на 1-й том Очерков по истории Башкирской АССР 1959 года (ч. 2, с. 69) указывает, что помимо этого, тогда же 12 тысяч башкир несли линейную службу на восточных границах России, плюс отправили в дар на фронт 4 139 строевых лошадей.

В командный состав башкирского казачьего полка входили 30 человек: командир полка, старшина, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, 1 квартирмейстер, 1 мулла, 1–2 писаря и 10 пятидесятников. Кроме этого, был ещё и шеф полка из русских офицеров, говоривших на башкирском языке, или из крещёных башкир.

2-й Башкирский полк майора Курбатова в составе авангарда 3-й Западной армии под командованием К. О. Ламберта 15 (27) июля участвовал в сражении под городом Кобрином восточнее Брест-Литовска. В ходе него были убиты сотни саксонцев, взято в плен 2382 солдата, 76 офицеров и 2 генерала из корпуса французского генерала Ренье. Русские потеряли всего 74 человека убитыми и 181 ранеными. В этом сражении 2-й Башкирский полк вместе с казачьим полком Власова и эскадромом гусар перешёл через р. Мухавец, занял дорогу на Пружаны, оттеснил саксонский эскадрон к городу, но был встречен пехотой, засевавшей во рву и домах.

Штурм Кобрина стал первой крупной победой русского оружия в 1812 году. Командующий 3-й армией Торماسов написал 16 июля из г. Кобрина Багратиону: “Поспешая равномерно поздравить Ваше сиятельство с теми трофеями победы над неприятелем, каковые Бог в 15-й день сего месяца даровал войску армии, мною предводительствуемой, при совершенном разбитии и покорении всего отряда саксонских войск, занимавших город Кобрин, где по упорном и сильном его сопротивлении и защищении себя, продолжавшемся чрез девять часов наконец был поражен, и, кроме убитых на месте более тысячи человек, взято в плен: командовавший отрядом генерал-майор Клингель, полковников 3, штаб-офицеров 6, офицеров 57, унтер-офицеров и рядовых 2234, знамен 4, пушек 8 и разное, в большом числе, оружие. Потеря же с нашей стороны не весьма значительна”. В честь этой победы в Санкт-Петербурге был произведен артиллерийский салют, а Тормасов награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

За храбрость и отвагу Аюп Каипов из Белебеевского уезда и полковой старшина Аралбай Акчулпанов из Стерлитамакского уезда были награждены орденом Святой Анны.

Орден св. Анны 3-й степени по установлению 1797 года носили на “инфантерийской (пехотной) или кавалерийской сабле”. В 1770 году Аннинским кавалером стал сорокалетний А. В. Суворов. Это был первый его орден. Первоначально Знак Ордена св. Анны 3-й степени на оружие изготовлялся из чистого золота. Аннинское оружие никогда не снималось, даже при получении более высоких ступеней того же ордена. В 1815 году орден св. Анны был разделен на четыре степени, причём Аннинское оружие стало низшей, 4-й.

22 июля (3 августа) 1-я и 2-я русские армии соединились у Смоленска. План Наполеона разбить русские армии потерпел крах. Под Смоленском башкирские воины вели боевую разведку. Так, 1-й Тептярский полк был придан авангарду Смоленского резервного корпуса под командованием генерала Е. И. Оленина, а затем вошёл в состав отряда генерала Г. В. Розена 1-го. 22 июля полк Темирова сражался с французами при деревнях Сырокоренье и Гусиной, где удалось получить важные сведения и взяты в плен французского гусара. 23 июля генерал Оленин из Корытно рапортовал Барклаю-де-Толли об успехах майора Темирова и полковника Власова 3-го: “Командиры полков казачьих Тептярского и полковника Власова 3-го сейчас доставили ко мне двух пленных: первый – одного французского гусара, а второй польского улана, из коих гусар взят разъездом на той стороне реки Днепра против села Гусинова, последний же в селении Лядах. Причем донесено от майора Темирова 1-го, командующего Тептярским полком, что при взятии гусара убито на месте четыре француза. Помянутые пленные объявили мне, что конная бригада генерала Вотрена расположена у самого берега Днепра, восемь же полков кавалерии растянуты до местечка Рудни, а пехота вся позади. Наполеон тому назад четыре дня был в местечке Рудне и Любавичах”. Не ограничиваясь донесением, Оленин послал майора Темирова к Барклаю-де-Толли для личного доклада. “Прописанных пленных вашему высокопревосходительству, – писал Оленин, – поручил я доставить потребованному к вашему превосходительству майору Темирову... г. майор Темиров о силе и намерении неприятеля лично Вашему высокопревосходительству донесёт”.

27 июля в сражении между деревнями Лешня и Молево Болото (дело при Иньково) вместе с донскими казачьими полками: атаманским, подполковника Грекова 18-го, генерал-майора Денисова 7-го, генерала Иловайского 5-го и Симферопольским конно-татарским полком дрался 1-й башкирский полк. Российскими конниками “сделана на неприятеля сильная атака, простиравшаяся с фланга на фланг неприятеля, и неприятель... храбростью российских войск совершенно опрокинут и преследован с большим поражением”. Казаки, “быв разъярены, кололи и били неприятеля беспощадно. Много вражеских офицеров и рядовых было взято в плен”. **Атаман Платов, давно убедившись в храбрости башкирских конников, из двухсот наиболее отличившихся башкирских джигитов образовал особый отряд для этого боя.**

Поручик Павлоградского гусарского полка Жилин, получивший “в правую ногу пулею тяжёлую рану”, был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Зауряд-есаулы Муслим Сиксимбаев и Ихсан Абубакиров получили чин есаула. Зауряд-сотник Иждавлет Мисареев, зауряд-хорунжий Мурат Хурурдинов (Куруртинов), Ерыш (Яруш) Азаматов, Янмурза Шкалдеев (Ян Мурдаш-

калдеев), которые “действовали с отличной храбростью и поражали онаго, прогнали до самого подкрепления, подавая пример рядовым башкирцам, за что были награждены следующим чином”.

Наполеон всё ещё рвался к генеральному сражению. С этой целью он решил обойти Смоленск и зайти русским войскам в тыл. Но французские войска натолкнулись на отряд Неверовского. 2 августа под Красным произошла знаменитая битва. На подступах к Смоленску вместе с донскими казаками сражались с неприятелями и отважные конники Башкирии. При этом отличился 1-й Башкирский полк. За отличие в храбрости Ихсан Абубакиров представлен был в полковые есаулы, что и было утверждено командованием. Вместе с казачьим полком Власова важную боевую операцию проводил и Тептярский полк майора Темирова.

“В три часа дня 2 (17) августа Наполеон дал знак к общему штурму Смоленска. Ней ворвался в Красненское предместье, Понятовский – в Никольское, Даву штурмовал Молоховские ворота. К 6 часам вечера французы овладели всеми предместьями города, кроме Петербургского. Казалось, Смоленск падёт в считанные минуты. Но в этот день он устоял.

Все защитники города, от генералов до рядовых, были живым олицетворением воинской доблести. “Оба дня в Смоленске ходил я сам на штыки, – вспоминал генерал Д. П. Неверовский. – Бог меня спас: только тремя пулями сюртук мой расстрелян”. Героически сражались за Смоленск молодые офицеры – будущие декабристы: М. С. Лунин, М. Ф. Орлов, Ф. Н. Глинка, М. А. Фонвизин, П. Х. Граббе, А. В. Ентальцев, И. С. Повало-Швейковский. Но главным героем смоленской обороны был русский солдат. Офицеры и генералы, по их собственному признанию, были “не в силах удержать порыва” своих солдат, которые бросались в штыки “без всякой команды”, понимая, что они “заслоняли тут собой порог Москвы – в Россию двери”.

Ожесточение смоленского боя сами его участники назвали “невывразимым”. Именно после Смоленска 13-й бюллетень “Великой армии” засвидетельствовал: “Никогда французская армия не выказывала большей отваги, чем в этой кампании”. “Французы, – писал об их атаках 17 августа Ф. Н. Глинка, – в бешеном исступлении лезли на стены, ломались в ворота, бросались на валы...” Но кончилось тем, что к концу дня русские выбили их из всех предместий.

Досадуя на неудачу общего штурма, Наполеон приказал открыть огонь по городу из 300 орудий. “Тучи бомб, гранат и чиненых ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви, – вспоминал Ф. Н. Глинка, – все, что может гореть, запылало”. Оборонять пылающий город было и опасно, и уже нецелесообразно, поскольку 2-я армия вышла на Московскую дорогу”.

Уфимским полком командовал генерал-майор Иван Денисович Цыбульский, о котором говорили, что он “человек простой, но заслуженный и храбрый”. Он входил в VI пехотный корпус генерала от инфантерии Д. С. Дохтурова, который на 10 июля 1812 г. насчитывал 17988 человек и 84 орудия.

Начало Отечественной войны застало VI корпус оторванным от 1-й Западной армии. Поэтому, согласно приказу военного министра от 14 июня 1812 г., корпус начал отступление от Лиды, где находился, до Ольшан. Участник этого марша артиллерийский офицер Н. Е. Митаревский оставил свои воспоминания: “Шли почти день и ночь, несмотря ни на дождь, ни на грязь, без регулярного распределения отдыхов, варили есть, когда случится, редкую ночь проводили на месте. Вообще поход нашего корпуса от Лиды до Двины был самый иррегулярный... Случалось, что солдаты, идя, забывались и падали, что особенно было заметно в пехоте. Один упадет – заденет другого, тот опять – двух, трех и т. д. Падали целыми десятками с ружьями со штыками; но при этом никогда не было несчастных случаев”. В результате ускоренного марша 29 июня корпус прибыл к Дриссе, где соединился с частями 1-й Западной.

Еще до рассвета 5 августа VI пехотный корпус занял позиции. У Смоленска воинам из Уфы впервые пришлось вступить в бой с французской армией. Надо отметить, что свой первый бой они провели достойно, вызвав восхищение его свидетелей. Вот как описывал подвиг уфимцев 5 августа оберквартирмейстер корпуса И. П. Липранди. “Вправо от Малаховских ворот, за форштадом, расположен был Уфимский полк. Там непрерывно слышны были крики “Ура!” и в то же мгновение огонь усиливался. В числе посланных туда с приказанием не подаваться вперед из предназначенной черты был послан и я... Я нашел шефа полка этого, генерал-майора Цыбульского, в пол-

ной форме, верхом в цепи стрелков. Он отвечал, что **не в силах удержать порыва людей, которые после нескольких выстрелов с французами, занимающими против них кладбище, без всякой команды бросаются в штыки. В продолжение того времени, что генерал-майор Цыбульский мне говорил это, в цепи раздалось “Ура!”**. Он начал кричать, даже гнать стрелков своих шпагой назад; но там, где он был, ему повиновались, и в то же самое время в нескольких шагах от него опять слышалось “Ура!” и бросались на неприятеля. Одинаково делали и остальные полки этой дивизии... в первый раз здесь сошедшиеся с французами. **Ожесточение, с которым войска наши, в особенности пехота, сражались под Смоленском 5-го числа, невыразимо. Нетяжкие раны не замечались до тех пор, пока получившие их не падали от истощения сил и течения крови”**.

В ночь на 6 (18) августа Барклай-де-Толли приказал Дохтурову оставить Смоленск. Весь высший генералитет 1-й армии был против отступления и попытался воздействовать на Барклая. “Граф Кутайсов... любимый всеми и главнокомандующим, на дар слова которого надеялись, принял на себя передать ему желания и надежды первых лиц армии, – читаем в записках П. Х. Граббе. – Барклай-де-Толли выслушал его внимательно и с кроткою ласкою ответил ему: “Пусть каждый делает свое дело, а я сделаю свое”.

Кутузов, заменив Барклая, продолжил его стратегию. Но не потому, что не сумел придумать ничего собственного, а потому, что она была единственно правильной, и Кутузов понимал это не хуже, чем Барклай.

12 августа 1-й Башкирский полк участвовал в бою арьергарда с противником при отступлении от Смоленска. Здесь вновь отличился зауряд-хорунжий Гильман Худайбердин.

Во время отступления от Смоленска летучий казачий корпус 1-й Западной армии с 8 (20) по 18 (30) августа находился в главном арьергарде под общим командованием Платова. Сражался под деревнями Пнево и Михалевка, при Дорогобуже и у Семлева. После отправки Платова в Москву казачьими полками арьергарда командовал И. К. Краснов, который был смертельно ранен в деле при Колоцком монастыре.

Итак, с 8 (20) августа 1812 г. главнокомандующим стал М. И. Кутузов. Его назначение главнокомандующим русскими армиями обрадовало почти всех, даже Наполеона, который “...узнав о прибытии Кутузова, как вспоминал Арман де Коленкур, – тотчас же с довольным видом сделал отсюда вывод, что Кутузов не мог приехать для того, чтобы продолжать отступление: он, наверное, даст нам бой, проиграет его и сдаст Москву, потому что находится слишком близко к этой столице, чтобы спасти её”.

На все приветствия опытный полководец скромно отвечал: “Не победить, а дай Бог обмануть Наполеона”. Что и удалось старому полководцу, хотя и ценой сдачи Москвы. А башкирские конные полки прошли с русской армией весь её славный боевой путь, который завершился в Париже весной 1814 года.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Арман де Коленкур. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1943. С. 86.
2. Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года. М.: Захаров. С. 12–13.
3. Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007. С. 137–138.
4. Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года. М.: Захаров. С. 13–14.
5. Глинка С. Прибавление к русской истории Сергея Глинки, или Записки и замечания о происшествиях 1812, 13, 14 и 15 годов, им самим изданные. М.: 1818. С. 113.
6. Усманов А. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Ватандаш-Соотечественник. 2012. № 2. С. 8. / Отечественная война 1812 г. // Материалы военно-ученого архива Главного штаба. СПб. Т. 1–22. 1900–1914. Т. 10. С. 153.
7. Лесин В. И. Атаман Платов. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 167–168.
8. Бессонов В. А., Попов А. И. Действия казачьих отрядов А. И. Быхалова и Н. А. Темирова в 1812 году / Отечественная война 1812 года: Истоки. Памятники. Проблемы: Материалы XI Всероссийской научной конференции. Сост. А. В. Горбунов. Можайск: Маленький город, 2004. С. 24.
9. Энциклопедия Отечественной война 1812 года. М.: РОССПЭН, 2004. С. 248–249.
10. Тарле Е. В. Сочинения в 12 т. М., 1957–1962. Т. 7. С. 505.